

Цзян Шинин поднял голову и встретился взглядом с Лю Чунем.

Зрачки того были расфокусированы, глаза казались огромными и безжизненными, что выглядело пугающе. Когда такой взгляд впивается в тебя, того и гляди — от страха наложишь в штаны.

Цзян Шинин хотел было развернуться и бежать, но не учел одного: столкновение с призраком — это как встреча с бешеной собакой. Пока ты стоишь и смотришь на него, он колеблется, но стоит тебе сделать хоть малейшее движение, как он тут же бросается в атаку. Лю Чунь издал из горла низкий рык и, инстинктивно оставив Сюань Миня в покое, рванулся к Цзян Шинину.

Лицо книжного червя, и без того бледное, вмиг стало зеленым. Он хотел вскрикнуть, но крик застрял в горле: даже в такой ситуации он не мог отбросить навязанные книгами манеры благородного мужа. Хотел бежать, но не желал делать это слишком постыдно — в итоге одна нога рвалась вперед, другая увязла на месте, и он чуть было не завязался в узел.

Бам!

Неуклюжий Цзян Шинин закономерно растянулся на земле, отползая назад на руках.

Созданный формацией «Лю Чунь» обладал той же глупостью, что и оригинал. В каждом его движении чувствовалась тупая, дикая сила. Он пер напролом, напористо и неотвратно.

Цзян Шинин, видя, как этот зверь прыгает на него, судорожно вдохнул и, втянув голову в плечи, зажмурился.

В мгновение ока раздался глухой стук — тум! Цзян Шинин почувствовал, как мимо лица пронесся ветер от взметнувшихся рукавов, а затем плита под его ногами тяжело содрогнулась. Ожидаемые ледяные пальцы так и не сомкнулись на его горле.

Он приоткрыл один глаз и скривился: Лю Чунь лежал перед ним ничком, растянувшись во весь рост — видимо, по какой-то причине он нелепо споткнулся.

Этот дурень явно не ожидал падения, реакция у него была медленной, и он даже не успел выставить руки, впечатавшись лицом прямо в землю.

Постояв в замешательстве, он принялся неуклюже подниматься, отряхиваясь от грязи и с испугом поглядывая на пол.

Тут Цзян Шинин увидел, что из-под серо-голубого халата Лю Чуня выскользнул Сюэ Сянь. В руке он сжимал узкую полоску ткани, которая до боли напоминала...

Пояс от штанов?

Присмотревшись, Цзян Шинин понял: верзила упал именно потому, что во время прыжка его штаны сползли до щиколоток и спутали ему ноги. Лю Чунь и без того был не слишком ловок, а тут запнулся и грохнулся со всей дури. Ударившись лбом, он еще долго тряс головой, пытаясь прийти в себя.

Сюэ Сянь, выбравшись из-под него с этим поясом в руках, небрежно швырнул его в лицо Цзян Шинину: Не стой столбом, свяжи этому дурню руки и ноги!

Сказав это, он с явным пренебрежением обратился к Сюань Миню: Живо, подними меня. Из-за этой паршивой тряпки чуть руку не оторвало.

Подними меня...

Цзян Шинин лишился дара речи: как полупарализованный может носиться туда-сюда с такой прытью?

Подумав, он решил, что сам виноват, раз заставил других возиться с собой, и почувствовал неловкость. Забыв о том, что снимать с людей штаны — поступок неблагородный, он послушно связал левую руку и правую ногу Лю Чуня длинным куском ткани, пробормотав при этом: Прошу прощения.

Сюэ Сянь лишь фыркнул на его ханжеские замашки.

Он считал, что ради спасения этих двух оболтусов героически превозмог собственную немощь и опустился до кражи чужих штанов. Этот лысый должен был в знак благодарности бухнуться на колени, бережно подхватить его обеими руками и вернуть на место. Но у этого монаха совсем не было глаз — бестолочь, да и только!

Сюэ Сянь сердито уставился на Сюань Миня, пытаясь вызвать у того чувство вины. И только тут заметил, что Сюань Минь, перебирая пальцами связку медных монет на поясе, явно собирался пустить их в ход.

Неужели этот монах сам планировал разобраться с ситуацией?

Сюань Минь, вероятно, и не предполагал, что врага можно нейтрализовать, стащив с него штаны, и, опешив от такого развития событий, замер.

Сюэ Сянь воочию наблюдал, как монах убрал пальцы от монет.

Когда Сюань Минь поднял его с пола, Сюэ Сянь вдруг пожалел: знал бы заранее, не стал бы так спешить с этими штанами, а посмотрел бы, на что способен этот лысый!

Упустив отличный шанс, Сюэ Сянь мгновенно сник. Его бумажное тело обмякло, он безвольно

повис на кармане Сюань Миня, изображая повешенного.

Сюань Минь нахмурился, решив, что этот паразит снова что-то задумал, и щелкнул по его бумажной голове. Но стоило ему убрать палец, как та безжизненно обвисла вновь.

Сюань Минь: ...

Потыкав его так пару раз, монах окончательно убедился, что нечисть, похоже, чем-то приболела. Он молча покачал головой и бесстрастно бросил Цзян Шинину: Идем.

Едва он договорил, как узкую дверь с той стороны с грохотом начали выламывать советник Лю и остальные. После двух ударов даже деревянная задвижка задрожала.

Бам! Бам! Бам!

От этого грохота Цзян Шинина затрясло, и он поспешил следом за Сюань Минем.

Они петляли по лабиринту дворов, то и дело натываясь на людей. Те, кто мгновение назад вели себя как актеры в пьесе, при виде наших героев менялись в лице. Окутанные призрачной аурой, они начинали преследовать их, то ускоряясь, то замедляясь, словно держась на привязи, но не приближаясь вплотную.

Пользуясь тем, что они заворачивали за угол, Цзян Шинин в страхе пересчитал преследователей. Среди них были и служанки, и мальчишки-слуги, чьих лиц было не разобрать, и трое советников Лю, и двое Лю Чуней, и две старушонки с клюками...

Одна из двух на вид хрупких служанок на ходу голыми руками разорвала стоявшее на пути старое дерево. Пусть оно и было сухое, но чтобы разорвать его в щепки, нужны были когти острые, как ножи!

Цзян Шинин похолодел — он осознал, что ему несказанно повезло, когда, очнувшись в пустой комнате, он прошел всего через пару дверей и наткнулся на Сюэ Сяня и его спутника.

Если бы он и теперь не понял, что эти дворы и переходы подчиняются своим правилам, то все его образование было бы зря.

К счастью, Сюань Минь выглядел совершенно спокойным. Его шаги были широкими и уверенными, в нем не было ни тени суетливости или страха. Казалось, он заранее всё просчитал, перемещаясь по дворам без малейших колебаний. Цзян Шинин считал, что у него неплохо с ориентированием, но здесь он давно потерял счет направлению, в то время как Сюань Минь двигался безошибочно.

Лысый, куда мы вообще идем? — внезапно ожил висевший на поясе Сюэ Сянь.

Сюань Минь: Пройдем через Врата Смерти к Вратам Жизни.

В голосе Сюэ Сяня сквозило сомнение: Если я не ослеп, то мы уже в третий раз проходим через этот двор.

Сюань Минь ответил спокойно: Это Врата Закрытия.

Сюэ Сянь: И что с того?

Сюань Минь: Оглянись назад, сам увидишь.

Сюэ Сянь молча поднял голову и неохотно повернулся. Он увидел лишь белую ткань: ...Ты насмехаешься? Позади меня — твоя поношенная ряса.

Сюань Минь: ...

Зато Цзян Шинин, услышав это, обернулся и, пройдя еще несколько шагов, внезапно воскликнул: Где те люди? Почему они исчезли? Только что же слышно было, как они рычали от голода!

Сюэ Сянь наконец понял, что имел в виду монах. Он поднял голову и хмыкнул: Ты специально их сбросил с хвоста?

Сюань Минь лишь сухо ответил: Хм.

Из Восьми Врат Врата Закрытия и Врата Вида не приносили ни удачи, ни беды — они считались нейтральными. Врата Закрытия служили идеальным местом, чтобы спрятаться от погони.

Сюань Минь трижды входил и выходил, полностью оторвавшись от преследователей.

Затем он повернул на юго-запад, вышел через узкую дверь из двора и зашагал по длинному коридору.

Это не те ли Врата Смерти, куда мы случайно забрели? — удивился Сюэ Сянь, наблюдая, как Сюань Минь открывает узкую дверь в углу и решительно подталкивает в нее Цзян Шинина.

Врата Смерти — это путь для призраков, а для тебя — великая удача.

Цзян Шинина ошеломило, он споткнулся на пороге, но переступил его и оказался во дворе.

Лю Чунь и Госпожа Лю, которые раньше ошивались здесь, были выманены Сюэ Сянем и Сюань Минем. Теперь двор был пуст — кроме Цзян Шинина, здесь не осталось ни тени призрака.

Как только ноги Цзян Шинина коснулись земли во дворе, он, словно пена, растворился в воздухе.

Книжный червь выбрался из формации? — спросил Сюэ Сянь.

Сюань Минь кивнул и, свернув пару раз, направился прямо к Вратам Жизни.

Место у Врат Жизни Сюэ Сянь узнал сразу:

Это не та ли развалюха Лю Чуня? — он посмотрел на мрачную хижину в конце каменной дорожки и никак не мог связать это проклятое место, окутанное черной аурой, с Вратами Жизни. — Если бы ты сказал, что это Врата Смерти, я бы поверил скорее.

Раньше так и было, — глухо ответил Сюань Минь. — Но сейчас Восемь Врат в усадьбе перевернуты, и Врата Смерти стали Вратами Жизни.

Что ты имеешь в виду? — Сюэ Сянь нахмурился. Он вспомнил слова Цзян Шинина о том, что родинка на лице Лю Чуня переместилась с левой щеки на правую, и в голове мелькнула догадка: Зеркало?

Сюань Минь бросил взгляд на бумажную голову и решил, что этот паразит, хоть и вредный, но не глупый: В старой расстановке усадьбы юго-западная комната была Вратами Смерти, северо-западная — Вратами Открытия, а северо-восточная — Вратами Жизни.

Сюэ Сянь вспомнил слова, которые Сюань Минь говорил советнику Лю у дверей комнаты Лю Чуня.

Северо-западную комнату занимал сам советник, а в северо-восточной жил его младший сын, Лю Цзинь.

Среди Восьми Врат Врата Открытия стоят первыми, символизируя начало дел и процветание. Советник Лю жаждал карьерного роста и богатства, поэтому выбрал их. А Врата Жизни символизируют продолжение рода; поселив там младшего сына, он обеспечил ему безопасность и благополучие, надеясь, что у него будет достойный наследник.

Сюэ Сянь наконец понял смысл формации «Забор воды и впадение в море».

Только жаль дурачка Лю Чуня. Он был настолько глуп, что не различал жизни и смерти. Прожив двенадцать лет, он умел лишь складывать бумажные слитки-деньги размером с полладони. И этой своей единственной способностью он завалил всю комнату, стараясь никого не обидеть — подписывал и раскладывал их по кучкам.

Горы золота и серебра, мир и покой...

Интересно, когда советник Лю был молод, сжигала ли Госпожа Лю перед ним эти слитки с такими же словами? Даже если и сжигала, он наверняка всё забыл, иначе разве смог бы так безжалостно выбросить своего глупого сына на произвол судьбы.

Формация «Забор воды и впадение в море».

Лю Чунь был рекой, а семья Лю — морем.

Только советник Лю не учел, что в искусстве фэн-шуй важна каждая деталь. Малейшее изменение — и всё переворачивается: зло становится добром, а добро — злом. Медное зеркало, которое Госпожа Лю и Лю Чунь закопали под старым деревом, чтобы «беда обернулась удачей», и стало этой роковой переменной.

В результате Восемь Врат перевернулись, и Врата Смерти стали Вратами Жизни.

Когда они были уже в нескольких шагах от мрачной хижины, узкая дверь в главном доме снова скрипнула.

Сюэ Сянь уже почти привык к подобным сюрпризам и подумал: неужели опять Лю Чунь?

Он вытянул шею из кармана Сюань Миня и посмотрел...

Действительно, опять Лю Чунь!

Это что, бесконечный цикл?! — у Сюэ Сяня снова вскипел гнев. Он попытался выпрыгнуть, но вдруг замер. Скосив глаза на связку монет на поясе монаха, он подумал: как раз вовремя!

Бумажный Сюэ Сянь прикусил язык и, вытянув когти, словно удочку, подцепил связку монет, сунул ее в руку лысого и, глядя на него снизу вверх, прошипел: Чего ты ждешь?!

Сюань Минь ткнул его пальцем обратно в карман: Рано. У этого родинка на левой щеке.

... — Сюэ Сянь так разозлился, что у него дыхание перехватило.

На этот раз Лю Чунь, как и сказал Сюань Минь, действительно имел родинку на левой щеке, а на нем был тот самый серо-голубой халат. Всё сходилось.

Очевидно, это был настоящий Лю Чунь.

Войдя через узкую дверь, он выглядел на три части озадаченным и на семь частей расстроенным. Он шел, постоянно оглядываясь, и, сделав пару шагов, заметил Сюань Миня.

Он замер, а потом его лицо вытянулось, и брови сложились домиком: Я только что видел... видел бабушку...

Дурень указал пальцем за узкую дверь: Вон там, прямо там.

Бабушку?

Не ту ли самую Госпожу Лю?

Они только что оторвались от преследователей, неужели этот придурок снова их накликать?!

Сюэ Сянь, висевший на кармане Сюань Миня, снова ожил и вопросительно взглянул на Лю Чуня: А где она?

Я догонял, но бабушка ушла, — горестно ответил дурачок, и в его голосе прозвучало такое нетерпение, что он даже не заметил, кто именно задал вопрос. — Она не посмотрела на меня, я не могу ее найти, совсем не могу.

Он теребил свои пальцы, выглядя совершенно раздавленным. Он долго смотрел в узкую дверь, а потом уныло добавил: Я просто хотел поговорить с бабушкой...

Сюэ Сянь припомнил разговоры советника Лю и его друга: Госпожа Лю давно умерла, а судя по слухам в городке, к ее смерти приложили руку родители Цзян Шинина. После ее смерти в аптеке семьи Цзян случился пожар, всё сгорело дотла.

Цзян Шинин считался погибшим три года, значит, Госпожа Лю была мертва не менее трех лет.

Дурачки всегда прямолинейны: если говорят, что скучают, значит, скучают день и ночь. Эти три года для него, должно быть, были бесконечно одинокими.

Идем, — равнодушно бросил Сюань Минь и, не дожидаясь ответа, направился к полуразрушенной хижине.

Может, аура великого мастера подействовала на дурачка, а может, решительность Сюань Миня не оставила времени на раздумья, но Лю Чунь покорно зашагал следом, поравнялся с монахом и пробормотал: Я... я хочу найти бабушку.

Что ты торопишься, вернемся в дом, — не выдержал Сюэ Сянь, пытаясь его облапошить.

Лю Чунь потерпел немного, потом снова: Я все равно... я очень спешу.

Сюэ Сянь отрезал: Терпи!

Лю Чунь уставился на ледяной профиль Сюань Миня, видимо, немного испугавшись. Пройдя еще пару шагов, он осмелился спросить: Почему ты говоришь, не открывая рта?

Сюань Минь: ...

Сюэ Сянь снова нагло соврал: Чревовещание. Короче говоря, он говорит животом.

Лю Чунь медленно перевел взгляд на пояс Сюань Миня.

Сюань Минь: ...

К счастью, они были уже у дверей. Стоило переступить порог, как они выбрались бы из формации.

Сюань Минь не колеблясь шагнул вперед, одновременно дернув Лю Чуня, который плелся позади. Тот пошатнулся и одной ногой переступил порог.

Когда он собирался занести вторую ногу, откуда-то раздалось сухое «тук-тук», словно кто-то стучал по каменным плитам.

А? — реакция у Лю Чуня была быстрее, чем когда-либо в жизни.

Он замер, инстинктивно крикнул «Бабушка!», выдернул ногу из-за порога и рванулся прочь.

Эй! Постой! — не удержался Сюэ Сянь.

Он увидел, что Сюань Минь поднял руку, пытаясь ухватить дурня, но не успел — в голове у Сюэ Сяня раздался гул, перед глазами всё потемнело, и мир закружился в водовороте.

В мгновение ока декорации сменились — они стояли у двери хижины, перед ними было бледное лицо Цзян Шинина, а Лю Чуня и след простыл.

Они выбрались из формации. Но в самый последний момент Лю Чунь отступил, и его заперло внутри.

Вы наконец вышли... — Цзян Шинин, увидев их в целости и сохранности, облегченно вздохнул.

Но тут же снова напрягся: А где молодой господин Лю и советник Лю? Они так и остались там?

Сюань Минь кивнул, молча развернулся и вошел в комнату.

Он молчал, и Цзян Шинин не решался заговорить. Он медленно поплелся за ним и встал у порога, наблюдая, как Сюань Минь опустился на колени перед медными гвоздями и амулетами, вбитыми в пол.

Цзян Шинин не разбирался в таких вещах, зато Сюэ Сянь кое-что смыслил.

Существовало два способа разрушить формацию: снаружи внутрь или изнутри наружу.

Если ты внутри, ищи выход. А если снаружи, самый простой способ освободить запертых — уничтожить саму формацию.

Конечно, разрушение формации — дело тонкое, — рассуждал Сюэ Сянь. — Люди, зарабатывающие на жизнь призраками и духами, кормились как раз расстановкой и снятием таких ловушек. Если бы каждый встречный мог их легко сломать, как бы они выживали?

Увидев, как Сюань Минь опустился перед желтым амулетом, Сюэ Сянь оживился. Он вытянул шею, намереваясь посмотреть, какие же фокусы покажет этот лысый.

Тянется, тянется! — про себя приговаривал Сюэ Сянь, не мигая глядя, как Сюань Минь протянул руку к амулету и ухватился за медный гвоздь.

Будет резать пальцы и капать кровью?

Или какой-то магический жест?

Сюэ Сянь, затаив дыхание, ждал продолжения.

Но Сюань Минь просто с силой выдернул вбитый в пол медный гвоздь и небрежно сорвал прикрепленный к нему амулет.

Затем...

Он выдернул второй гвоздь, сорвал второй амулет.

Затем третий.

И на этом всё.

Сюэ Сянь:

Он смотрел, как Сюань Минь самым обыденным способом уничтожает гвозди и бумажки, а потом спокойно вытирает руки. На душе у Сюэ Сяня скребли кошки, словно он выпил залпом воды из реки забвения. Он не знал, как живут другие мастера, видя подобное, но сам он после такого зрелища едва хотел продолжать существование.

Сюань Минь поднялся, подошел к столу, порылся в углу, нашел огниво, чиркнул им о стену, зажег огонек и без всякого пафоса сжег все три амулета дотла.

Конечно, для Сюэ Сяня, который уже «не хотел жить», этот финал был уже не важен.

Судя по поведению лысого, формация была сломана, и с минуты на минуту должен был послышаться вопль дурака Лю Чуня.

Однако прошла добрая чашка чая, а ни Лю Чунь, ни советник Лю так и не появились.

Сюэ Сянь вытянул шею, заглянул за дверь и внутрь комнаты — кроме Цзян Шинина, там не было ни души.

Не вышло? Или лысый просто набивает себе цену?

<http://bllate.org/book/21932/2278725>